

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
3-68

Серийное оформление — *Ольга Жукова*

Иллюстрация на обложке — *Иван Хивренко*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Злотников, Роман Валерьевич.

3-68 Рыцари Порога : [романы] / Роман Злотников, Антон Корнилов. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 768 с. — (Коллекция лучшей фантастики).

ISBN 978-5-17-116881-0

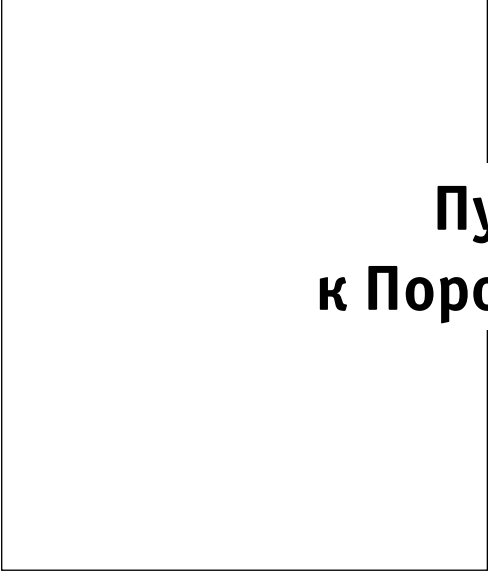
Земли, некогда опаленные Великой Войной, возрождаются. Давно исчезли следы пожарищ и крови. Королевства людей набирают силу. Казалось бы, наступает расцвет мирной жизни — гномы-ремесленники совершенствуют свое мастерство, в пустошах ведется охота, в которой нет равных полудиким оркам, а Высокий Народ чтит и хранит свои древние тайны... Но угроза приходит из страшных мест, название которым — Пороги. Оттуда, из трещин между мирами, веет смертью и разрушениями. Орды жутких существ стремятся захватить едва возродившийся мир. Кто в итоге воцарится — Человек или Тварь? Только немногие способны противостоять чужакам.

Имя им — Рыцари Порога.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-116881-0

© Р. Злотников, А. Корнилов, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

**Путь
к Порогу**

Часть первая

ДЫМ НАД ГОРОДОМ

ГЛАВА 1

— Так я ж говорю, — навалившись на стол продранными локтями, прохрипел мужичок с головой безволосой и желтой, как репка, — городок наш так называется — Мари. А ты — баба, баба... Понимать надо! — наставительно добавил он и постучал грязным кулаком по своей «репке».

— А я и понимаю, — не стал спорить парень, долговязый, костлявый и рыжеволосый, по виду — откуда-то с самого Запада. — Чего ж тут не понять! Ты закусывай давай, а то уже хорош...

— Хорош, — приняв упрек за похвалу, самодовольно повторил репоголовый и икнул так сильно, что стол, за которым они сидели, подпрыгнул, громыхнув всеми кружками, мисками и кувшинами. — Я б закусил, так это... кончилось оно... — Он демонстративно опрокинул вверх дном свою кружку и с презрением глянул в миску с огурцами. — Нечего закусывать... Мы ж не пожрать тут собрались.

Рыжеволосый парень свистнул, подзывая трактирного служку, копошившегося под стойкой. И, ожидая его появления, в который раз быстро и цепко оглядел зал. Время для выпивки еще не настало, и трактир был почти пуст. Несколько местных забулдыг уныло гундели над своими кружками. Вторя их бессмысленной беседе, под потолком жужжали жирные мухи. На улице колыхалась удушливая вечерняя жара, как и всегда в разгаре лета на Юге, и в зале трактира, несмотря на открытые окна, было душно и полутемно. Ни одного светильника еще не зажигали.

Парень перевел взгляд на пьянчужку, с которым вот уже, наверное, час вел разговор.

Репоголовый, расслабленно икая, тоже разглядывал собеседника. И того, кто сидел рядом с ним. Был бы мужичок трезвее, парочка вызвала у него, скорее всего, тревогу или, по крайней мере, недоумение. Но сейчас, в состоянии крепкого подпития, ему, очевидно, было просто-напросто наплевать на все, кроме того, что эти ребята платят за его выпивку.

Парня с красно-рыжими волосами, стянутыми на затылке в тугую пучок, сложно было причислить к какому-либо сословию. Одет как обычный путешественник: простая кожаная куртка, с капюшоном на случай дождя, крепкие штаны, заправленные в короткие сапоги, пояс со множеством висящих на нем мешочков и узелков. Но ни оружия, ни сумки на нем не наблюдалось, зато обращало на себя внимание обилие дешевых аляповато-ярких амулетов, браслетов, да еще истрепанный длиннющий красный шарф, обмотанный вокруг тощей шеи, и непонятный инструмент в черном холщовом футляре, висящий на перевязи за спиной.

А вот с его спутником все было ясно с первого взгляда. Мощное тело, почти вдвое больше человеческого, покрытое серой кожей, настолько прочной, что ей не страшен был прямой удар ножа, зеленоватые волосы, клочками торчащие на бочкообразной груди, здоровенных плечах и башке, похожей на громадный булыжник, отсутствии бровей, сплюснутый крошечный носик и уши, размером и формой напоминающие крылья нетопыря, — все это могло принадлежать только чистокровному огру. Одет он был, как и подобает существам его племени, лишь в короткие штаны, подпоясанные широким ремнем, на котором висели грубый нож без ножен и двойной топор с короткой рукоятью. Его широченную шею плотно облегал кожаный ошейник с металлическими заклепками-шипами, говоривший о том, что если когда-то огр и был свободным, то теперь полностью и безоговорочно принадлежит долговязому парню.

Вообще, огры плоховато ладили с людьми, равно как и люди с ограми. Последние жили разобщенными племенами и изредка выходили к людям исключительно по торгово-меновым вопросам. Положение изменялось, если племени выпадал голодный год. Огры меняли либо место охоты, либо ее объект. И тогда людям, проживающим неподалеку от стойбища племени, приходилось туговато. Дикарские налеты заканчивались обычно одним и тем же: дворянин, люди из владений которого обретали бесславный конец в желудках голодных огров, собирал войско и вырезал племя подчистую.

Иногда, правда, старейшина племени принимал иное, более цивилизованное решение, а именно продавал кое-кого из своих собратьев в вечное рабство, принимая в плату еду и оружие. И уж тогда огр-раб обязан был служить своему господину беспрекословно, ибо свято верил, что суровые духи избрали его для жертвы во имя жизни сородичей.

Если рыжеволосый трещал без умолку, затыкаясь только тогда, когда начинал говорить репеголовый пьянчужка, и с удовольствием прихлебывал сладкое местное пиво, то огр угрюмо молчал и к кружке не притрагивался, хотя время от времени опускал в нее взгляд, в котором ясно читалось тоскливое вожделение. Огры обычно с большим трудом овладевали человеческими языками, а спиртное им было запрещено продавать законом королевства Гаэлон, ибо, несмотря на ис-

полинские габариты, пьянели огры быстро, а окосев, теряли те крохи разума, что теплились в их камнеподобных головах.

Служка — обычный южанин, темноволосый и низкорослый — соизволил наконец приволоочь за столик еще пару кружек.

— Я говорю, Мари — это так городок наш называется, — оживился репоголовый, хлебнув пива. — Название, конечно, того... — Он хихикнул. — Так ведь как оно дело было. Раньше тут деревенька стояла захудалая, ею граф Конрад владел. Знаете, конечно, кто ж нашего графа не знает!..

— Еще бы, — с готовностью кивнул парень.

— А у Конрада при дворе живо... ну этот... пись... малюет который картинки всякие...

— Живописец.

— Я ж так и сказал. Господин Сули — так его имя. Умнейший человек и первый собутыльник графа. Вот когда лет десять назад графиня-то померла, его сиятельство затосковали. Вызвал он господина Сули и говорит: хочу, мол, фигуру каменную своей покойной супруги в спальне иметь. А Сули заартачился. Я, грит, только картинки малевать мастер, а фигуры делать не умею. Но... графское слово есть графское слово, и десять золотых гаэлонов есть десять золотых гаэлонов. Согласился то есть. Только сначала он из глины фигуру вылепил... Его сиятельство посмотрели, носом покругили и сказали, что ни монетки медной господин Сули не получит, потому как на графиню фигура не похожа. С мерином, на котором навоз из конюшни возили, как люди сказывали, сходство было, а на покойницу — ну, ни капельки... Вот так. Господин Сули в мастерской обижается, а его сиятельство в своих поках нервы успокаивает. Порознь, значит. Хотя утешение им из одного погребка таскали. Из винного то есть. Так до ночи и утешались. К ночи у господина Сули обида зыграла — старался же! Взял он остатки глины и вылепил громадные усы и громадные... эти самые... которые тоже только у мужиков могут быть. И присобачил все это дело на фигуру. А тут его сиятельство графа Конрада, который передумал и решил фигуру взять, вносят... Ну было дело!..

В таверну, скрипя старыми кожаными куртками, пришедшими в такое состояние, что не подходили графской дружине даже в качестве учебных и потому их передали городской страже, вошли трое стражников. Огр, до сих пор сидевший неподвижно, словно осколок скалы, тихо зарычал и оскалил желтые клыки. Рыжий, стрельнув на стражников быстрыми лисьими глазами, ощутимо толкнул его локтем в бок. Огр успокоился, только башку держал теперь повернутой к трем вооруженным людям.

Стражникам парочка тоже явно не понравилась. Они уселись за соседний стол, не выпуская из рук алебарды, и в ожидании службы хмуро осматривали чужаков.

Городок Мари лежал в плодородной равнине, перепоясанной юркими и светлыми речушками, с одной стороны защищенной густыми

и шумными лесами, где, говорят, и по сию пору можно встретить остророжного эльфа-одиночку, а с другой — Железными горами, в которых копошатся гномы, занимаясь исконным ремеслом. Люди в этой долине живут темноволосые и большеглазые, как и везде на Юге. Высокоролого тут редко встретишь, все больше низенькие и коренастые. Поговаривают, что такие антропометрические особенности обусловлены близким соседством с гномьими поселениями, но это, конечно, досужие сплетни! Хотя... мало ли что может произойти, если на предгорной тропке случайно встретятся зеленая девчонка, забредшая в глушь за дурной козой, и юный мускулистый коротышка, собирающий хворост для розжига печей. Все-таки здесь люди с местными гномами не враждуют. Они вообще предпочитают всякого рода вражде проводить время в труде и веселье и помирать в собственных постелях.

Мир царит в счастливом королевстве Гаэлон, от Юга до Севера, от Запада до Востока. Последняя война с соседним королевством — Марборн — закончилась аж двести лет назад. С тех пор жители Гаэлона и знать не знают, что такое смерть и ужас настоящего большого кровопролития. А от Великой Войны, кипевшей во многих королевствах тысячелетия назад, остались лишь легенды. И редко что ужасного случается в городке и долине: ну разве забредет банда голодных огров или соседский барон решит пополнить казну неожиданным налетом, а то объявится из далекого черного леса одичалая ведьма. Ну или еще какая напасть придет извне. Потому-то в городках, подобных Мари, чужакам не очень рады.

— ...а как его сиятельство трость свою фамильную о голову господина Сули сломали, так велели его в свинарник на цепь посадить. Месяца два Сули там отвалился, потом граф, конечно, оттаял... — не замечая появления в трактире новых лиц, продолжал заливать репоголовый забулдыга. — А как раз в деревеньке, которая на этом месте стояла, где теперь наш город, староста — поохотиться он любил — задумал полакомиться троллями ушками и отправился за Железные горы. Но по дороге заблудился, отбился от товарищей, и получилось наоборот — троль схавал самого старосту вместе с ушками и всем прочим. Вот его сиятельство на место старосты своего бывшего собутыльника и двинули. Деньжищ ему отвалили еще и людей дали. Так городок вырос. А название ему граф велел дать в честь имени покойной графини. И фигуру — только не ту, а такую же, но больше раза в три, из камня сделанную, на Алой площади поставить. Господин Сули и по сей день наш городской голова. Вот как, господа... Заезжие люди всегда этой историей интересуются. Потому как необычно и любопытно...

— Эй, Гас! — окликнул пьянчужку один из стражников, которым уже принесли пиво. — Успел налижаться, что ли? Не тебе в караул ночью идти?

— Так то ж ночью, — хихикнул мужичок. — До ночи я отосплюсь. До ночи еще о-го-го сколько! Мне ж ночью еще силы понадобятся...

— Отребе! — буркнул стражник, погружая в кружку усы.

Обращался он к репоголовому, а сам смотрел на чужаков. Огр снова тихонько зарычал, а рыжий, опять толкнув его локтем, моментально схватил ситуацию.

— Прошу нас простить, господа, это наша с Ххаром вина, — проговорил он, церемонно приподнявшись. — Жаркий сегодня вечер, вот мы и решили пропустить по кружечке, а господин Гас любезно развлек нас беседой.

— Да! — подбоченился репоголовый, видимо, гордый оттого, что его назвали господином. — Любезно! Господа не местные, им любопытно...

— Нам тоже, — включился в разговор второй стражник. — Откуда это вы такие красивые и куда?

— Да можно сказать: ниоткуда и никуда, — весело откликнулся рыжий. — Меня зовут Корнелий, я менестрель. — Парень указал на футляр за своей спиной. — Странствую, слушаю истории, сочиняю песни. А это, — предупредил он следующий вопрос, хлопнув огра по плечу, — мой... мм... товарищ. Я-то не воин, а на дорогах с одиноким путником всякое может случиться. Я его в кости выиграл. Не желаете, господа, по кружечке? Что-то у меня сегодня очень хорошее настроение. Видать, отличная ночью выйдет песня про город с именем Мари!

Стражники переглянулись. Речь рыжего Корнелия, очевидно, оказалась им убедительной.

— Можно, — сказал один из них. — А твой... э-э-э... товарищ, он не это самое? Ничего такого не подумай, — проговорил он, повернувшись уже к огру, — но я первый раз вижу такого, как ты, так близко и... э-э-э...

— Без цепей, — завершил за него Корнелий. — Не беспокойся, Ххар очень добрый мальчик. Он и мухи не обидит... Без моего на то позволения.

Огр не изменил выражения морды, так что осталось неясным — понял он высказывание стражника или нет.

— Так как насчет кружечки пива? — повторил Корнелий.

— Если только по одной, — проворчал второй стражник, — мы-то пока на службе... — И покосился на уже изрядно помутневшего Гаса.

— А что, — махнув рукой службе, тут же осведомился Корнелий, — господин Гас тоже состоит в городской страже?

Стражники дружно заржали. Тот, заговоривший с чужаками первым, с мокрыми от пива усами, собрал и отнес в угол алебарды.

— Не в стра... страже... — пытаясь сидеть на лавке прямо, произнес Гас. — Я в ночном карауле. По указу господина Сули каждую ночь пятеро горожан обязаны охранять город. Раз в неделю жребий бросаем. Городская-то стража, которая жалованье получает, ночами на сторожевых вышках отсыпается.

— Не отсыпается, пень ты трухлявый! — рявкнул мокроусый, вернувшись за стол. — А ведет наблюдение за подступами к городу! А такие, как ты, тюфяки с гнилыми дубинками по кабакам да харчевням разгу-

ливают! Ночной караул!.. Так и ждете, чтоб от жен сбежать и всю ночь шататься с пивом да песнями.

— Кто тюфяк?! — обиделся Гас и завращал головой, словно в поисках достойного аргумента. — Да у нас такие люди в нынешнем карауле! Кузнец Соб! Этот и без дубинки любого вора надвое переломит! А вон! — ткнул он пальцем в окно. — Старый Гур, видите, идет? Сюда, между прочим. Тоже, наверное, горло промочить. Ты и этому достойному человеку скажешь, что он пьяница?

— Заткнулся бы да спать шел, — сказал Гасу один из стражников с широким добродушным лицом. — А про Гура никто в городе ничего плохого не скажет. Гончар это наш, — пояснил он, обращаясь уже к Корнелию. — Мастер хоть куда. Вон из того окна его дом виден. Смотрите, господин, на крышу смотрите! Вы еще где-нибудь такую крышу видели? Крыша у него такая, какой крыши во всем городе нет. Старый Гур, он гончар, сам черепицу лепил и обжигал. Сам и крышу выкладывал — черепичка к черепичке. Одна из красной глины, другая из белой, одна из красной, другая из белой — как красиво получилось!

— Великолепно! — с готовностью восхитился Корнелий. — Такую красоту даже в Дарбионе редко встретишь.

— А ты что же, — недоверчиво проговорил мокроусый, принимая от служки новую порцию пива, — в самом Дарбионе бывал? Столице нашего королевства? Может, скажешь, государя самого видал?

— Скажу больше, — улыбнулся Корнелий. — Государю нашему, светоносному Ганелону, мне выпала честь исполнить одну из моих лучших песен!

В трактир вошел старик, ведя за руку мальчика. Был старик высок и прям, волосы его, еще довольно густые, длинными прядями вились до плеч, а суровое мужественное лицо подошло бы скорее воину, чем гончару. Словом, старик принадлежал к той породе мужчин, на которых неизменно оглядываются женщины на улице. Мальчику, по всей видимости, было не больше девяти лет, и он очень походил на старика. Разве что волосы его были темны и коротко острижены, а лицо смягчено наивностью детства. У пояса его на веревочной перевязи висел деревянный меч.

— Гур-р-р! — заорал Гас, замахал руками и от избытка чувств рухнул с лавки.

Старик оглянулся на него, коротко усмехнулся, кивнул в знак приветствия, отдельно — стражникам. Потом задержал взгляд на чужаках, но ровно насколько это позволяли приличия, и кивнул отдельно каждому занятому столику. Затем Гур направился прямо к прилавку трактира, где маячил трактирщик — низкорослый и толстый мужик с пухлым и лоснящимся, как потекшее масло, лицом. Увидев старика, трактирщик моментально скуксился и попытался нырнуть под прилавок.

— Господин Горн! — Голос у старика оказался под стать его виду — низким и внушительным. — Позвольте мне закончить наш вчерашний разговор.

— Во, — высказался добродушный стражник. — Не пиво лакать старый Гур пришел, а с жирным Горном разговоры разговаривать. Тот, вишь... — он обращался к внимательному Корнелию, который уже пересел за их столик, — тот, вишь как, купил три десятка кружек у Гура, а монеты отдал только половину. А надьсь здесь мужики гуляли, ну и, как водится, кружки-то поколотили. Не все, а пяток. Трактирщик теперь за эти пять платить не желает. Говорит, мол, значит, так сделаны плохо, что разбились. Ну ничего, заплатит он деньги, я Гура знаю.

— А этот Горн толстозадый не раз за свою скупость двойной монетой платил, — добавил другой стражник. — Помните, братцы... — Он прервался, захрюкав от сдерживаемого смеха. — Помните... Арарна?

— Арарн-ведьмак трактирщику шишку вывел на шее, — под общий хохот объяснил менестрелю добродушный стражник. — У Горна шишка вдруг вздулась, огромная такая. Он ее и так, и этак, и прижигал даже — ни в какую, только растет. Ибир-травник не смог помочь. Пришлось к Арарну идти. Тот дорого берет, потому что знахарством не занимается, он вообще-то серьезный мужик, правда, вспыльчивый очень. Его из Сферы Огня выперли за то, что он там кому-то не тому потроха прижег. Ну вспыльчивый, говорю же... Пошептал Арарн, шишка перестала расти. И за две недели обратно в шею ушла. Время платить, а трактирщик, как всегда, отмахивается. Мол, шишка сама собой убралась. Арарн поначалу подмастерьев подсылал, а тут сам явился: «Плати!» Горн: «Не буду!» Нашел с кем связываться. Ну ведьмак и рассердился. Снова пошептал, и шишка еще пуще вздулась. Прямо как вторая башка вымахала! Да еще с глазами и пастью. А пасть огнем пышет и ругается такими поганьими словами, что слушать невозможно. Горн с месяц из дома выйти не мог. Потом послал Арарну денег, да в два раза больше, чтобы тот заклятие снял...

Старик воздвигся у прилавка так прочно, что сразу было видно: пока своего не получит, с места не сойдет. А мальчик во все глаза уставился на огра, одиноко возвышавшегося за столом, из-под которого, словно пар от бурлящего котла, поднимался густой храп господина Гаса.

Трактир постепенно наполнялся народом. Ремесленники, зашедшие освежиться после долгого трудового дня, весело галдя, рассаживались за столиками. Сапожники, распрямляя спины, онемевшие от долгого сидения в скрюченной позе, вытягивали под столы босые ноги (по местному обычаю мастера сапожного дела и их подмастерья имели право надевать обувь только в холодное время года). Портные щурились уставшими от слежения за стежками покрасневшими глазами, выглядывавая среди посетителей знакомых и друзей. Торговцы с рынка, расположенного близ трактира: зеленщики, рыбники, мясники, молочники и другие, — сдав выручку хозяевам лавок, охрипшими за день голосами делились друг с другом последними базарными новостями.

Пара гномов, одетых в пухлые куртки (вечно эти гномы даже и летом одеваются, как зимой, потому что привыкли мерзнуть в своих подземельях), полосатые штаны и запыленные дорожные сапоги, сва-

ливали под стол тяжелые мешки. Гномы, наторговавшие за свои изделия продуктов и одежды, задержатся здесь ненадолго. Выпьют пару кружек, возьмут с собой мех-другой крепкого самогона (вино и сладкое пиво местные гномы презирают за низкую концентрацию алкоголя) и отвалят в свой Грандхур — подземное поселение, расположенное неподалеку от Мари.

Гномы важно кивали направо и налево массивными бородатыми головами, приветствуя знакомых, но уселись вместе, за один угловой столик, не мешаясь с людьми. Никто из горожан дурного слова никогда гномам не скажет, но все равно маленький народец держится особняком. Это все гнилая отрыжка той самой Великой Войны, на которой гномы сражались не на стороне людей. Не по своей, конечно, воле, но все-таки...

Прошло то время, когда подземные карлики гордо носили свои здоровенные топоры с двойными лезвиями. По окончании Великой Войны гномам строжайше запрещено иметь оружие, — а каково это выносить когда-то воинственному народу? Говорят, в своих пещерах они еще устраивают поединки и даже большие турниры, но это же не проверишь. А ведь их едва не истребили полностью после той Войны. Но вовремя спохватились: подземный народец обладал особой магией, позволявшей им ковать металл крепости, равной которой люди выковать никогда не могли. Магия Крови — так называют эту магию люди, потому что правильное название не выговорит человек, даже хорошо знающий гномьи наречия, — язык ломает. Мечи, топоры и боевые ножи, например, выкованные гномами, ни в какое сравнение не идут с оружием, изготовленным людьми. Правда, и стоят они столько, что позволить их себе могут только дворяне, да и то не все. Конечно, металлические изделия, не предназначенные для войны, гномы продают гораздо дешевле, так ведь и куют их без помощи своей магии. Магия Крови — только для оружия...

Служка, позевывая, зажигал масляные светильники на стенах, реагируя на призывы новых посетителей вялыми и невнимательными кивками: мол, подождите, пока закончу, разорались, нечего тут... Явился второй служка и принялся наконец разносить кружки по столикам. Этот оказался более расторопным — его жизненной энергии хватало не только на то, чтобы позевывать, переставляя ноги, но еще и почесываться.

В проемах окон одна за другой появлялись разгоряченные любопытством мальчишеские физиономии. Объектом их пристального изучения был, несомненно, огр, все так же в одиночестве сидевший за столиком. Двое пацанов — один низенький, толстый и круглощекий, второй костистый и смуглый — осмелились даже войти в помещение и стать у порога в позах, ясно показывающих: чуть только огр повернет в их сторону клыкастую морду, они сразу зададут стрекача. На поясах у этих двоих болтались такие же деревянные мечи, как и у мальчика, пришедшего с гончаром.

Серокожий гигант не обращал на малолетних согладатаев никакого внимания. Он, откровенно говоря, ни на что не обращал внимания, лишь изредка вожделенно шевелил ноздрями, когда служка проносил мимо него кувшин или кружку с пивом. Мальчик, пришедший со стариком гончаром, присоединился к парочке у порога. Сам старый Гур, ухватив трактирщика за ворот костистыми пальцами, втолковывал ему что-то, почти неслышное во все возрастающем гаме. И тут шум прорезал ясный, чистый и громкий струнный перебор. Это менестрель извлек из чехла свой инструмент, отодвинулся на лавке подальше от стола и, не дожидаясь, пока трактир стихнет окончательно, звонко прокричал:

— Вниманию почтеннейших горожан! Известная во всем славном королевстве Гаэлон баллада о Рыжей Марте...

Конец реплики потонул в восторженных воплях и гоготе — видимо, баллада и вправду была широко известна. Только старый гончар недовольно поморщился и, на минуту отвернувшись от Горна, громко произнес:

— А более пристойного произведения у тебя нет, менестрель? Здесь, между прочим, дети!

— Утомонись, папаша! — оглянувшись на гогочущих стражников, пьяно сощурился рыжий Корнелий. — Народ желает веселья. А недоросткам явно пора разбежаться по постелям.

— Рыжая Марта! — орали за столиками. — Давай балладу! — И Гуру пришлось, передернув, плечами, прекратить разговор. Он только процедил сквозь зубы:

— Проклятый пустозвон... — и махнул рукой мальчику, повернувшись к нему спиной. Тот недовольно вздохнул, но все же подчинился. Вместе с ним покинули трактир и двое его приятелей. Впрочем, тут же их физиономии появились в раскрытом окне.

— Подобна тыквам гру-у-удь ее!.. — ударив по струнам, завел рыжий менестрель свою балладу.

* * *

— Он что, так и сидит там весь день? — спросил Перси, не отрывая взгляда от громадной серой спины.

— Когда мы с дедушкой пришли туда, сидел, — сказал Кай.

— И ни разу не пошевелился? — поинтересовался Бин.

— Ну... можно сказать, ни разу, — подтвердил Кай. — Видал? Настоящий огр!

— Разве славные рыцари допустят, чтобы свирепый огр угрожал людям? — послышался позади тройцы издевательский голос. — Чего ж вы не достанете свои деревяшки и не треснете его по башке?

Все трое одновременно обернулись. Позади них стоял Аскол, сын рыбака Харла, одного из самых богатых горожан. На прыщавом лице парнишки уже пробивались реденькие усы. Для вечерней прогулки